

Кампания по «чистке» партии и госаппарата
в сатирическом журнале «Крокодил»
(1929–1930 гг.)

Андрей Л. Юрганов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Iurganov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается кампания по «чистке» партийного и государственного аппарата, которая была намечена в 1928 г., а осуществлена в 1929 г. Этой кампанией лично руководил генеральный секретарь ЦК ВКП(б) – И.В. Сталин. В статье исследуется механизм адаптации партийных решений о «чистке» применительно к пропаганде в сатирическом журнале «Крокодил», выходившем огромными тиражами. Одно дело – партийные решения на бумаге, и другое дело – их осуществление в понятных для массовой аудитории образах и символах советской повседневности. Кампания имела одну цель – запугать общество и создать условия для перехода к более массовым репрессиям при отказе от новой экономической политики. Исследуются принципиальные различия между чисткой партийного аппарата и чисткой аппарата государственного.

Ключевые слова: И.В. Сталин, НЭП, Гражданская война, пропаганда, идеология сталинизма, сатирический журнал «Крокодил», партийная «чистка», «чистка» государственного аппарата

Для цитирования: Юрганов А.Л. Кампания по «чистке» партии и госаппарата в сатирическом журнале «Крокодил» (1929–1930 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 62–100. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-62-100

The campaign to “cleanse” the party and state apparatus
in the satirical magazine “Crocodile” (1929–1930)

Andrei L. Yurganov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Iurganov@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the campaign to “purge” the party and state apparatus, which was planned in 1928 and carried out in 1929. That

campaign was personally directed by Stalin, general secretary of the Central Committee of the VKP(b). The article studies the mechanism of adapting party decisions on “purges” with respect to propaganda in the satirical magazine *Crocodile*, which was published in huge circulations. Party decisions on paper are one thing; their implementation in images and symbols of Soviet daily life understandable to a mass audience is another. The campaign had one goal – to intimidate society and create conditions for the transition to a more mass repression, while abandoning the new economic policy. The fundamental differences between the purge of the party apparatus and the purge of the state apparatus are explored.

Keywords: I.V. Stalin, New Economic Policy, Civil War, propaganda, ideology of Stalinism, satirical magazine “Crocodile”, party “purge”, purging of the state apparatus

For citation: Yurganov, A.L. (2022), “The campaign to ‘cleanse’ the party and state apparatus in the satirical magazine ‘Crocodile’ (1929–1930)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 62–100, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-62-100

По мнению исследователей, эти две кампании были едины в осуществлении поставленных задач и целей. Речь идет о «чистке» партии и «чистке» госаппарата. Такой ход мысли вполне обоснован, ибо источники подтверждают, что «чистка» была задумана в конце 1928 г. На ноябрьском пленуме ЦК партии В.М. Молотов сказал, что «генеральная чистка партии стучится к нам в двери», а в Бюллетене ЦКК-НК РКП в ноябре 1928 г. был опубликован проект плана работ НК РКП СССР на 1928/1929 г., который содержал преамбулу о состоянии государственного аппарата [Киселева 2014, с. 40]. Понятно, что если говорить о чистке партии, то как же не думать о чистке государственного аппарата. Но все же нельзя не увидеть, что в одном случае речь шла о членах партии, которых необходимо проверить по партийным критериям, а в другом случае речь могла идти – и в основном шла – о беспартийных служащих госучреждений, которые не устраивали партию большевиков по тем или иным (уже не партийным) критериям.

Здесь уместно сказать о разных коммуникациях: одно дело – партийное руководство, мыслившее масштабно и системно, и другое дело – общественная презентация масштабных решений.

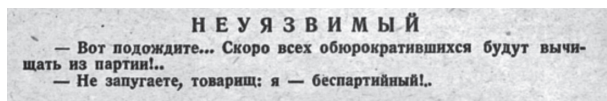
В массовом сознании отразились две кампании, а не одна. Первой была явлена кампания по чистке партии, и только через несколько месяцев была объявлена чистка государственного аппарата.

Так, во всяком случае, транслировал ход событий на идеологическом фронте сатирический журнал «Крокодил» в 1929 г. В январском (третьем) номере журнала на первой странице была опубликована карикатура, которая как бы приглашала читателей вспомнить чистку 1921 года...

Крокодил. 1929. № 3. С. 1

Но что характерно – «чистка» в этом номере осмысливалась как проблема партийной бюрократии.

Крокодил. 1929. № 3. С. 4

На последней странице следующего, четвертого номера – новое напоминание о чистке партии:

Крокодил. 1929. № 4. С. 12

В февральском, шестом номере, был опубликован рисунок с надписью, которая как бы предваряет кампанию по чистке, обещая чистоту в физическом (и переносном) смысле.

Крокодил. 1929. № 6. С. 2

И только в седьмом (февральском) номере журнала появилось объявление о том, что следующий номер «Крокодила» будет посвящен целиком начавшейся кампании по чистке в партии.

Крокодил. 1929. № 7. С. 12

Причины «чистки» исследователи находят где угодно, но практически не акцентируется внимание на самой важной, если не причине, то предпосылке развернувшейся кампании — она *была не началом, а продолжением* кампании по «самокритике», которая к концу 1928 г. вызывала уже много нареканий. Задача «самокритики» сводилась к тому, чтобы ее результаты, пусть и не столь успешные, как хотелось того партийным руководителям, были использованы в вычищении тех людей, которыми были «засорены» партия и государственный аппарат.

Крокодил. 1929. № 8. С. 11

Кампанию по самокритике придумал лично товарищ Сталин, кампанией по чистке партии и государственного аппарата руководил лично товарищ Сталин.

В этом смысле логика осуществления программных установок очевидна – создать ситуацию такого страха, который помогал бы преодолевать толерантное наследие нэпа (в устах партийных лидеров – наследие «правого уклона»). Недостаточно просто сказать, что классовая борьба усиливается – необходимо создать условия для ее развертывания. Обе кампании – в своем *генетическом единстве* – как нельзя лучше подходили под сталинскую программу построения социализма в одной стране в условиях *нарастающей* классовой борьбы.

Какова же природа насаждаемого страха?

Этот вопрос следует задать, читая программные документы партийной чистки. В 1929 г. был опубликован сборник директивных статей и материалов под редакцией Ем. Ярославского «Как проводить чистку партии». Первый материал этого сборника – доклад Ярославского на XVI Всесоюзной партконференции (29 апреля 1929 г.). В нем он подчеркнул значение партийной чистки 1921 г., когда из партии было исключено больше 300 тысяч человек. Социальный состав ВКП(б) изменился, и теперь в полуторамиллионной партии, говорил Ярославский, 928 610 рабочих.

Для чего необходима новая чистка?

Ярославский ответил прямо: закончился нэп.

Если раньше на коммунистов смотрели с точки зрения их способности включиться в работу «восстановительного периода», то теперь следует ориентироваться на период «реконструкции всего нашего советского хозяйства» – «это задача переделки этого хозяйства»¹.

¹Ярославский Ем. О чистке партии // Как проводить чистку партии. Сборник директивных статей и материалов под редакцией Ем. Ярославского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 7.

Доклад Ярославского сводился к такой «диалектике», которая предусматривала, что за одно и то же состояние человека может следовать как прощение, так и наказание. Пафос партийных текстов по проведению чистки можно уподобить духу кафкианского Процесса, который неумолимо заставлял человека думать о своей вине, не зная ее в точности, о наказании – не зная будет ли оно, об ответственности – не ведая, какова она...

Ярославский говорил о том, что в партии могут быть люди, которые когда-то были против Советской власти, но потом ее приняли, вступили в партию, – как быть?

С одной стороны:

...если эти люди не скрывали своего прошлого, когда они вступали в партию, если рабочие простили им проступки, бывшие в прошлом, если за эти годы, – а за это время прошло 6–7 лет, – эти рабочие показали глубокую преданность партии, то по-моему было бы неправильно так решать вопрос (в смысле неправильно таких людей исключать из партии. – А. Ю.)².

С другой стороны:

Но это не значит, что мы вообще должны спокойно относиться к тем, кто был в белых армиях, хотя бы даже они проникли к нам на фабрики и заводы в качестве рабочих. Если в восстановительный период они как-то плелись еще за нами, то в нынешний период, когда требуется наступление на капиталистические элементы, когда требуется максимальная партийная выдержка, нам, товарищи, лучше освободиться поосновательнее от этих элементов³.

Никакого знаменателя!

Фактически же – разрешение исключать всех, кто когда-либо был не на стороне советской власти, хотя в годы нэпа помогал стране выживать в трудных экономических условиях.

То же самое – об оппозиции.

С одной стороны:

Само собою разумеется, там, где мы будем иметь дело с прямым нарушением решений партии, там, где мы будем иметь дело с попытками теперь, после решений партии, срывать наши решения по вопросу об индустриализации, по вопросу о коллективизации сель-

---

²Там же. С. 16.

³Там же.

ского хозяйства, по вопросу о борьбе с кулаком, тем, кто будет противодействовать индивидуальному обложению кулака, тем, кто будет поддерживать кулаческие элементы, – само собою разумеется, что им нет места в партии⁴.

С другой стороны:

Но было бы совершенно неправильно, если бы мы на основании этого стали сейчас исключать из партии тех, кто высказывался по тем вопросам, о которых мы говорили на этом пленуме, которые стоят в порядке дня нашей работы, кто *высказывался так или иначе* (курсив мой. – А. Ю.). Это было бы совершенно неправильно⁵.

Ярославский не стал никак пояснять: что значит – «высказался так или иначе»? Неопределенность трактовки «так или иначе» порождает полет любой фантазии, но не в сторону оправдания бывшего участника оппозиции, а наоборот – в сторону немедленного его изгнания из партии, что бы он ни думал, что бы ни говорил. Разумеется, речь идет о рядовых участниках оппозиции, а не о тех, кого Сталин собирался мучить долго и упорно, оставляя в рядах партии.

Страх – не от осознания конкретной вины, а от того, что в определение вины закладывается пугающая неопределенность, – и как ею воспользуются те, кому поручено чистить партию – неизвестно.

Никаких критериев, хоть сколько-нибудь позволяющих отделить, например, «морально загнивающего» коммуниста от того, который хотя и выпивает, но не обязательно достоин отчисления из рядов партии. Поскольку высшие партийные решения о чистке не содержали *никаких формальных критериев* по отбору «плохих» и «хороших» коммунистов, эти критерии создавались самими проверочными комиссиями – по ходу чистки.

Ярославский, не вполне осознавая, что смешные ситуации с проверками коммунистов возникают не сами по себе – они следствие изначальной неопределенности, приводил такой пример в работе проверочной комиссии:

1. Кто к нему ходит? Как одета эта публика?
2. Часто ли бывают гости? Происходят ли попойки в это время?
3. Как поздно приходит он домой и часто ли это бывает?
4. Как живет с семьей?

---

⁴Ярославский Ем. О чистке партии. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 25–26.

⁵Там же. С. 26.

5. Эксплуатирует ли он жену и мать?
6. Почему у них горит свет до 2, до 3 часов? Не думаете ли вы, что там в это время происходит пьянка?
7. Есть ли у них прислуга?
8. Каждое ли лето его жена выезжает на дачу и куда?
9. Куда ездил он сам прошлым летом?⁶

Еще «пример» из доклада:

Ячейка нижегородского губсуда, проводившая обследование быта коммунистов, попыталась произвести классификацию их на три группы: вышесреднюю, среднюю и низсреднюю.

– В группу вышесреднюю, – рассказывает газета, – вошли коммунисты, имеющие диван, трюмо, кровать... с шишками, ковер. В среднюю группу попали коммунисты, имеющие восемь венских стульев, стол, гардероб и кровать... без шишек... В низсреднюю группу попали коммунисты, не имеющие венских стульев.

– Вот это я понимаю, так и должно быть у коммунистов, – говорит обследователь «средняку» про его обстановку⁷.

В упомянутом сборнике была опубликована статья А. Солнца «К чистке», в которой он, как один из руководителей кампании, рассказал о трагических случаях в деятельности проверочных комиссий:

В Белорусском военном округе партийная организация по непроверенным слухам о недостойном поведении и антисоветских настроениях жена командира взвода Калько заставила его развестись с ней. Как т. Калько ни упирался, как ни доказывал, что обвинения ничем не подтверждаются, организация настаивала на своем. А т. Калько был выдержанным партийцем и отличным командиром; он 2 года провел на фронте пулеметчиком и с 1918 г. по сие время в Красной армии; он был и секретарем эскадронной ячейки до 1928 г. Тов. Калько подчинился решению организации и развелся с женой. В результате жена выстрелами из револьвера убила его и себя. Когда стали более тщательно разбирать дело, все обвинения против жены Калько оказались вздорными⁸.

Каков же вывод?

А никакого... – кроме сентенций, что так нельзя:

---

⁶Там же. С. 13.

⁷Там же. С. 14.

⁸*Солнце А.* К чистке // Там же. С. 29.

Как видите, кое-где наши товарищи не прочь свести чистку партии к разбору того, в какой степени жена или муж соответствуют члену партии, – и формулируется во всех случаях обвинение в связи с чуждым элементом. Кое-где даже образовали бытовые комиссии по чистке, которые наводят справки в домкомах о благопристойности поведения члена партии, о том, кто у него бывает, не пьет ли он, а если пьет, то как часто и с кем. Тут неизбежно будут сбиваться на сведение личных счетов, подсиживание и выживание под флагом заботы о чистоте партии. Вот это тревожит, как бы в отдельных случаях не снизить смысла и значения чистки до подбора отдельных мелочных фактов, может быть кое-что и говорящих о члене партии, но не отвечающих на основной вопрос: участник ли он в деле нашего строительства, живет ли он интересами партии, чем и как он свидетельствует о своем праве носить высокое звание члена коммунистической партии. А это главное и решающее⁹.

Более того – Сольц призывал объявить войну формализму, всяким формальным признакам: «Надо в каждом случае разобраться и решать вопрос *не механически, не по внешним признакам*. Надо не только словесную и печатную борьбу вести с бюрократизмом, а надо на деле в каждой работе выжигать каленым железом все элементы формализма»¹⁰.

Уход от формализма – это *сознательное стремление* к неопределенности.

Сольц, как и Ярославский, утверждал противоположные тезисы без какого-либо методического решения.

С одной стороны:

Чистка должна происходить гласно, на открытых собраниях с участием беспартийных трудящихся масс. Этим путем нам удастся вычистить наибольшее количество чуждых, примазавшихся или выродившихся на почве принадлежности к правящей партии бюрократов.

С другой стороны:

...много внимания и сугубую осторожность надо будет приложить, когда дело *идет не о явно негодных элементах* (курсив мой. – А. Ю.), а о тех членах партии, которые не удовлетворяют требованиям, так настойчиво выдвигаемым сейчас партией, не умеющих свои интересы слить с интересами строящегося коллектива, не умеющих по-новому жить, действовать и строить¹¹.

---

⁹ Сольц А. К чистке // Там же. С. 30.

¹⁰ Там же. С. 34.

¹¹ Там же.

Подобная установка в «чистке» была принята специально, чтобы создать ситуацию устрашения всякого члена партии перед необходимостью *слепо и безоговорочно* подчиняться «генеральной линии». Кампания по «чистке» была естественным продолжением кампании по «самокритике». Новая эпоха рождающегося сталинизма – чуждая энпу – требовала не только новой классовой борьбы, новой гражданской войны, но и своеобразной антропологической революции, в которой страх перед необъяснимым, но всегда возможным наказанием порождает людей, боявшихся не только действий властей, но и собственных мыслей.

Февральский (№ 8) номер «Крокодила» открылся символической картинкой:

Крокодил. 1929. № 8. С. 1

Осознавала ли редакция журнала «Крокодил» эту неопределенность в критериях чистки партии? Сатира, пусть и официальная, несовместима с пафосом – она требует образного и точного попадания в суть происходящего. Кого разоблачать? Партийные лидеры выступали не только против тех, кто примазался к партии, но и против всяких злоупотреблений при решении вопроса о членстве в партии. В какой *мере* сатирического осмеяния представить тех, кто недостойн иметь партбилет, и тех, кто лишь изображал принципиальность и преданность партии, но был чужд ее требованиям?

Крокодил. 1929. № 8. С. 8

Выделим в официальной сатире наиболее существенные моменты трансляции идей *партийной чистки* 1929 года, круг ассоциаций, символические формулы, образы.

Материалистические аллегии чистоты

Идею партийной чистки журнал «Крокодил» аллегорически выражал через одежду — мир материальный, в котором — как в мире предельных сущностей — должна пребывать некая абсолютная социальная чистота. Но какова она? Чистенький костюмчик интеллигента, — это ли социальная чистота, стремящаяся к своему абсолютному воплощению? Или это одежда рабочего — грязная от трудов?

В трансляции идеи абсолютной социальной чистоты члена партии не было однозначности!

Посмотрим на карикатуру, опубликованную в восьмом (февральском) номере журнала. Никто не подумает, что рабочий в грязном костюме будет вычищен из партии, а вот бюрократ в чистеньком костюмчике с портфелем обязательно покинет партию, потому что своим обликом он олицетворяет тех, кто «примазался» к партии.

Но в том же номере журнала был опубликован очерк В. Павлова «Чуждый элемент», в котором восприятие чистоты внешнего облика перед чисткой совсем другое — прямо противоположное.

Очерк неслучайно начинается со слов: «Конечно, по-разному можно к чистке относиться».

Крокодил. 1929. № 8. С. 7

Дальше – описание того, как ведут себя люди перед чисткой в одной организации: счетовод Акулышин – «трепещет», делопроизводитель Ключкин – «запил во всю – “все равно пропадать!”», отсек (ответственный секретарь) – «из райкома не вылезает», замзав отделом Пунин – «взял у врача свидетельство о туберкулезе во второй стадии и с бюрократизмом бороться начал», сам заведующий – «работает над сокращением штатов и с женой развелся на всякий случай», бухгалтер Петюшкин – «плюет на все с высокого дерева – “торговлю, говорит, открою!”»... Можно ли признать в этих характеристиках положительную реакцию на чистку в партии? Едва ли – это типажи отрицательные, их ждет чистка... Но вот появляется другой персонаж – непонятный, с необъяснимой для окружающих манерой поведения. Это младший ревизор Демидов.

Чем он странен?

Первое – не озабочен. То есть до того не озабочен, будто для него не чистка, а утренний чай пить с калачом. Второе – пререкается с завом. Все-таки там чистка – чисткой, а зав – завом. Все-таки у него, а не у кого иного спросят о поведении на службе, так и вне оной! Третье – на собрание ячейки, на какое ожидался представитель райкома с предупреждением о том членов ячейки, явился в неподобающем предчисточному периоду костюме. Мы все пришли в рабочих одеждах, – сапоги высокие, брюки поношенные, косоворотки там или потрепанные толстовки, а товарищ Пунин даже добыл откуда-то френчик образца 19-го года. Что же делает Демидов? Демидов является *в глаженке и при галстуке. И галстук противный, с крапинками!* (курсив мой. – А. Ю.) Я обратил внимание отсека, – тот поманул пальцем Демидова:

– Товарищ, допустимо ли это? – и указал на глаженку и галстук.
– В чем дело? – прикинулся Демидов дурачком – я всегда так одеваюсь!

– Ваше всегда – не к месту, товарищ! Чистка не всегда бывает!

– А при чем тут чистка?

Отсек пожал плечами, – раз человек сам на партрожон лезет, – что с ним поделаешь?!

Представитель райкома ничего Демидову на людях не сказал, но глазом покосился и, думаю, запомнил.

После собрания и другие подходили к Демидову и указывали на недопустимость поведения в настоящем. Но он – ноль внимания. Подошел с другими и я:

– Неудобно, тов. Демидов! Если ваше частное дело нас не касается, – может, вы с намерением хотите лишиться билета, – то не имеете права бросать тень на ячейку, ибо представитель райкома не может не принять во внимание! К чистке, товарищ, так нельзя относиться! Наряжаетесь, как на праздник...

– А по-вашему, чистка – не праздник? – нахально спрашивает Демидов.

Что с ним поделаешь? Мы и это запомнили. Конечно, у него есть оправдание, – чуждый он элемент нам вообще: выдвиженец! Ему все равно в нашем учреждении не удержаться – чем выдвиженец рискует?!

Думаю, его в первую очередь...¹².

Концовка очерка такова, что не осуждается и логика автора, считающего, что нужно идти на чистку в рабочей одежде, и логика младшего ревизора, отвергающего путь приспособления к обстоятельствам, – и потому готового явиться на партийную чистку в костюме с ярким галстуком. Положительный пример Демидова не отрицает того, что внешний вид партийца был своеобразной сигнальной системой для партийной чистки.

Особое внимание уделялось галстуку – яркий галстук едва ли не самый сильный признак чиновника-бюрократа, привыкшего к нэповскому образу жизни.

Посмотрим еще раз на галстук недостойного коммуниста – на первой странице восьмого номера «Крокодила».

---

¹² Павлов В. Чуждый элемент // Крокодил. 1929. № 8. С. 11.

Фрагмент
карикатуры

Крокодил. 1929.
№ 8. С. 10

Фрагмент карикатуры

«Галстук противный, с крапинками» – из фельетона «Чуждый элемент» – допускается у того, кто не скрывает своего естественного поведения. Но тем не менее этот элемент одежды сигнально выражал собой уходящую эпоху. Подобный галстук представлен в следующей картинке, опубликованной в том же февральском номере журнала, чтобы показать портрет настоящего бюрократа: он и видом противный, и галстук «с крапинками» не помешал – для завершения портретной характеристики.

Если не знать контекста массового восприятия чистки, то можно и не понять следующую карикатуру (из того же февральского номера), в которой мы видим странную сцену, – люди осматривают *ради покупки* явно бракованные вещи, а один «покупатель с идеологией» ехидно замечает, что за это «барахло» еще *нужно* платить.

Но зачем за барахло платить?

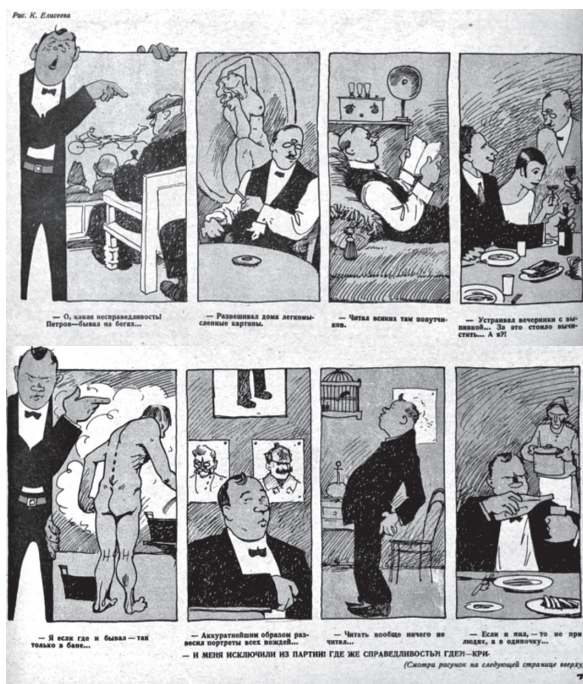

Крокодил. 1929. № 8. С. 3

Как сказано в очерке «Чуждый элемент», на партийную чистку подобает идти в рабочей одежде – в поношенной, не новой, чтобы показать свою рабочую сущность. На карикатуре изображены люди с достатком, выбирающие для себя всякую рвань ради партийной чистки. Разумеется, это сатира, но она не могла возникнуть не на реальной почве: люди в самом деле связывали свое отношение к партии с миром материальных символов. Если уходить от нэпа, то нужно уходить от всего яркого, необычного, красного, индивидуального; раз начинается классовая борьба, то лучше быть в рабочей одежде, или как некоторые – во френче эпохи Гражданской войны.

Знаковая система изображаемой одежды сразу давала информацию – как относиться к человеку. Если изображен галстук-бабочка, то никакого другого смысла, кроме изболитительного, нет и быть не может.

Вот один из примеров:

Крокодил. 1929. №15. С. 7

Того, кому суждено уйти из партии, наделяют во внешнем облике признаками неблагополучия, несоответствия социальному идеалу

чистоты. Читатель «Крокодила» зрительно угадывал развитие сюжета. На рисунке А. Зубова (см. ниже) первый фрагмент (если смотреть слева направо) показывает, что коммунист – приспособленец. Его выдает костюмчик – и слышен крик ужаса «Чистка!!! Будь готов!!!» В следующем фрагменте он изображен уже в рабочей одежде с молотком в руке, глядящим на себя в зеркало; далее показано, что он не умеет работать топором, но при этом достигает своей цели – у него, как у настоящего рабочего, теперь «мозолистая рука». Потом он снова в неподобающе роскошной зимней одежде с модным воротником – и ему льстиво пожимает руку гардеробщик. В последнем фрагменте этого ряда плохой коммунист плюется, пробегая около рекламы оперетты...

Крокодил. 1929. № 8. С. 4

Следующий ряд – демонстрация «преданности» партии. В модном зимнем пальто он бросает в урну газету «для деревни» под названием «Беднота», не жмет руку такому же, как он – и тоже в модной одежде (это подчеркивается острым воротником), засыпает себя советскими газетами, партийными резолюциями, видна даже надпись «ноябрьский пленум» (имеется в виду пленум 1928 г.), торжественно идет на чистку в рабочей одежде, в кепке, с молотком в правой руке, распевая песенку «своею собственной рукой...», – и вот закономерный финал: вылетает из партии со словами «зря трепался».

Крокодил. 1929. № 8. С. 5

Как видно, важнейший мотив узнавания тех, кого следует выгонять из партии – это одежда: она или подлинная, то есть соответствует внутреннему миру коммуниста, или она придуманная ради прохождения чистки. Партийная чистка таким образом следит за чистотой рядов партии по тому, насколько человек соответствует своей одежде. Это – художественное иносказание, своеобразный перевод слов Ярославского (и всех прочих, говоривших с высоких трибун) о том, что нужно следить за тем, чтобы в партии не было приспособленцев.

Антиформализм как метод «чистки»

Формальную сторону чистки «Крокодил» высмеивал Савелий Октябрьев в фельетоне «Инструкция для чистимых».

Нет никакой инструкции!

И быть не может.

Но на то и сатира, чтобы высмеять тех, кто думает, что формальная сторона (одежда, биография, слова-жесты, демонстрация преданности) помогут пройти испытание.

...опыт учит, что чистимые члены партии не получают никаких инструкций и наставлений, через это попадают иногда в положения неприятные и непредусмотренные. Предлагаемая инструкция, надемся, явится для них серьезною опорой на трудном и каменистом пути прохождения чистки.

Раздел I

Подготовка к чистке

1. Не позже, чем за две недели до дня чистки надлежит начать подготовку к прохождению оной. В сих целях рекомендуется: а) обратиться с письмом в бюро ячейки (копия в райком) с просьбой о дополнительной партнагрузке; б) ознакомиться с уставом ВКП(б); в) ознакомиться, хотя бы в общих чертах, с программой означенной партии; г) погасить задолженность по партвзносам.

2. Наряду с проведением указанных мероприятий следует составить список всех ответственных работников с дореволюционным стажем, лично знакомых чистимому, и в необременительной для них форме напомнить им о своем существовании.

3. В разговорах с товарищами по ячейке надлежит горячо приветствовать чистку, осторожно намекая, однако же, на возможность отдельных прискорбных ошибок.

4. Попутно с означенными разговорами не мешает, время от времени, просить у товарищей 40–50 копеек на обед, подчеркивая тем самым свою материальную необеспеченность и скромность образа жизни.

ПРИМЕЧАНИЕ. Молиться богу о благополучном прохождении чистки, давать благочестивые обеты и т. п. не рекомендуется: не помогает.

РАЗДЕЛ II

ПРОХОЖДЕНИЕ ЧИСТКИ

1. Явиться на чистку рекомендуется в обычном рабочем костюме: не очень новом и чистом, но и не слишком грязном и заношенном, блюдя в одежде среднюю линию между неприхотливостью личных навыков и требованиями культурной революции.

2. Держаться перед комиссией надлежит прямо, дабы даже изгибам корпуса не наводить ее на мысль об уклонах.

3. На вопросы членов комиссии следует давать по возможности прямые, не уклончивые ответы. Так, например, на вопрос о пристрастии чистимого к спиртным напиткам не следует отвечать: «Де, ведь, другие-то тоже пьют», – а надлежит ответить коротко и ясно: «Странный вопрос, товарищи!..».

ПРИМЕЧАНИЕ. На обычный вопрос: «А что вы будете делать, если вас исключат из партии?..» – не рекомендуется отвечать: «Ну, открою лавочку или займусь частным комиссионерством...» Подобные ответы, при всей их искренности, производят неблагоприятное впечатление...⁴.

В восьмом номере журнала было опубликовано стихотворение Грамена под названием «Безупречный».

В самом деле – а если человек делает все, как надо по уставу партии, не впадает в уклоны, уплачивает взносы, не пьет, ни с кем не спорит и голосует с большинством, – разве этого не вполне достаточно, чтобы остаться в партии?

Живя всегда согласно с партуставом,
Партвзносы я уплачиваю в срок.
Меня в уклоне – в левом или в правом –
Подозревать и враг бы мой не мог...
Наоборот, иному дуралею
Я партуклон в два счета сам приклею:
Пускай со мной не затевает склок!..
К тому же, я – большой приятель с завом...

---

⁴Октябрьев С. Инструкция для чистимых // Крокодил. 1929. № 8. С. 7.

Не расходясь ни в букве с партустановом,
Партвзносы я уплачиваю в срок.
В партдень всегда хожу на партячейку:
Без этого – среда мне не среда!
Не юдофоб. На днях одну еврейку
Устроил к нам без всяких бирж труда!
В своем кругу могу, под рюмку водки,
Насчет «жида» пустить две-три остротки, –
Так это ж кто поставит мне в упрек?..
И, вообще, все подтвердят всегда вам:
Не расходясь ни в букве с партустановом,
Партвзносы я уплачиваю в срок!
Кому и чем я в партии опасен?
В ячейке я не спорю ни о чем,
И если даже с меньшинством согласен,
То голосую молча с большинством...⁵

И так далее...

Словом, нарисован портрет приспособленца. Но если нет формальных замечаний по партийной дисциплине, если нет замечаний по бытовому поведению, то как решать вопрос о мыслях? Как доказать вину человека перед партией, если искренность не проверяется прибором ночного видения? Как доказать, что неформальные причины для чистки в точности совпадают с деятельностью человека – *ни в чем антипартийном* не замеченного? Стихи Грамена выражают собой пространство неопределенности, которое представлено и в партийных речах. Остается ждать, что комиссия *может увидеть* в человеке ту самую неискренность и то самое приспособленчество, которые никакими формальными критериями не выявляются.

Но может и не увидеть!

И как решится вопрос о членстве в партии – зависит от неформального (но какого?) отношения.

Так возникает ситуация неподконтрольного страха перед мистической силой коллективного решения, которое невозможно предугадать. Многое зависело от обстоятельств развернувшейся самокритики (сам на себя обязан донести) и критики товарищей как партийных, так и беспартийных на собрании по чистке.

Вполне благополучно закончилась чистка для героя фельетона Вл. Павлова «Непредусмотренное»⁶: Степан Иванович Карнаухов

---

⁵Грамен. Безупречный // Крокодил. 1929. № 8. С. 6.

⁶Павлов Вл. Непредусмотренное // Крокодил. 1929. № 40. С. 4.

услышал слова поддержки в зале, – «Свой парень, – чего там!», – хотя, как оказалось, его то и нужно причислить к людям, не заслуживающим подобных слов одобрения. Чем он «не свой»?

Прежде всего – своими мыслями.

Их автор фельетона обращает в обвинение, которое не прозвучало на партийной чистке.

Мысли же – о себе.

Нет в Карнаухове такой самоотдачи и беспрекословного подчинения, которые вытравили бы стремление к личному благополучию. На заседании по чистке, уже после того, как прошла проверка коммунистов, поступило предложение отправить кого-то в провинцию, и тут Карнаухов забеспокоился. Он вспомнил о задуманной им вечеринке, скромной, чтобы никто ничего дурного не сказал о проверенном коммунисте, а тут – переезд в провинцию! Менять квартиру, работу!..

В августовском (№ 29) номере «Крокодила» был опубликован «Романс о тигре и чистке». Личное – это «мещанское» – это основание, чтобы сдать в комиссию партбилет.

Ночь. Спальня. Полумрак. Тепло до дурноты.
Спит кенарь в клетке и молчат цветы.
На креслах френч, перчатки и капот.
В одном углу сундук, в другом – киот.
Постель двуспальная – супругов идеал. –
Гора перин, подушек, одеял.
Жена и муж. Ей сдобных тридцать лет,
А у него портфель и партбилет.
Его пленил дурманивший елей, –
И он оглох под звон своих цепей.
И шкура тигра мордую к столу
Повержена под туфлей на полу.
Он за цветы, перины и капот
Ей отдал мысли дерзостный полет...
А у постели тигра верный глаз
Под туфлей женской навсегда погас.
Москва гремит за пологом окна.
Ей вторит в тон советская страна.
А здесь киот льет мрачный полусвет, –
И сдать в КК придется партбилет⁷.

---

⁷Галин Вл. Романс о тигре и чистке // Крокодил. 1929. № 29. С. 11.

Идеальный мотив «чистоты» коммуниста – отказ от всего, что связывает с индивидуальными интересами, приоритетами ради полного растворения своего «я» в коллективности партийных решений.

Но это невозможно!

Разумеется, невозможно.

Однако это требование артикулируется – транслируется в массовое сознание, и вместе с такой невозможностью реализации себя в полном обезличивании рождается страх от того, что всякий человек, не потерявший свое лицо и личные интересы, *всегда виноват*, всегда не достоин партийного идеала.

Доносительство – этическая норма партийной «чистки»

В июньском (№ 24) номере «Крокодила» был опубликован очерк Вл. Павлова под названием «Скотина». В нем речь идет о том, что могут быть «невычищенные по ошибке».

Рассказчика это беспокоит:

...бывают такие сунчики, которых не то что в партии, – на работе держать нельзя, но под них, однако, не подкопаешься. По форме он правильный, а по существу – чуждый элемент и позорное клеймо!

– Доберутся, и до существа...

– Ну, где же добраться! Не доберутся.

– Почему?

– Да потому. Вот, например, в нашей ячейке один такой есть... По форме – надо быть лучше, да некуда: партстаж с семнадцатого, обязанности выполняет, голосует за линию, ни в чем не замечен... А знаешь ты, каков он таков гусь на самом-то деле? Знаешь?..

– Да ты о ком говоришь-то?

– Не твое дело. Фамилию называть я не желаю. А достаточно тебе знать, что у этого типа – брат спекулянт, и что тип этот братними деньжишками и делишками отнюдь не брезгует! И достаточно тебе знать, что в своем кругу он высказывается не только против линии партии, но даже и против советской власти! Настоящая контра с буржуазной идеологией, не говоря уже о том, что отъявленный антисемит! И партстаж у него липовый: это мне тоже достоверно известно. Вот! Так что ж, по-твоему: это – укрепление рядов, если таких в партии оставлять!

– Да кто ж таких оставляет? Ясно, что его вычистят!

– А за что?

– Как, то есть, за что?.. За буржуазное перерождение, за мошенни-

чество с партстажем, за антисемитизм, за смычку с чуждыми элементами...

– Чудак-человек, да кому же это известно? Ведь об этом только я знаю, да еще один человек... Да тебе, вот, я рассказал... А проверком-то откуда ж узнает?

– Как это так – откуда?.. Ведь ты-то заявишь об этом при чистке?

– Я?! Да ты с ума сошел!.. Довольно с меня заботы – самому чистку пройти! Стану я еще во всякие грязные истории впутываться!..⁸

Обратим внимание на то, что рассказчик в фельетоне выставлен негативно-сатирически именно потому, что свое личное ставит выше партийного. Его недостаток в том, что он не вполне растворился в интересах партии, думая прежде всего о себе, хотя и осуждает того, кто не достоин членства в партии.

Правильный коммунист – его собеседник, для которого донос – нравственно *совершенно* оправдан, ведь *нравственной сущностью* он признает коллективное начало партии:

– Ну, а если я заявлю?

– Это о чем же, например, ты заявишь-то?

– Вот о том, о чем ты мне рассказывал...

– Брось дурака-то валять! Я тебе даже фамилии не называл, – про кого ж ты заявишь?..

– А я на тебя сошлусь. Он, скажу, и фамилию знает, и подробности...

– Ну, уж это ты оставь!! Ничего я не знаю, никаких фамилий, и ничего тебе не рассказывал! Что за скотина за этакая, ей-богу!..

– Кто?

– Да не я же... Свинство, ей богу! Я тебе по-товарищески это, как партийный партийному, а ты... Знал бы, – не стал бы и разговаривать с такой свиньей!..⁹

В октябрьском (№ 40) номере журнала был опубликован фельетон Грамена «Все в порядке». В нем описывается похожая ситуация – что и в упомянутом выше очерке. Человек рассказывает, как проходила партийная чистка:

Чемоданов рассказал свою биографию, стер грязным платком пот со лба, жалостно улыбнулся и сел.

---

⁸Павлов Вл. Скотина // Крокодил. 1929. № 24. С. 2.

⁹Там же.

– Вопросы есть, товарищи? – спросил пред проверкома.

Собрание молчало.

– Нет вопросов? Все ясно? – спросил пред проверкома.

Собрание молчало.

Тогда мужественный, прямолинейный, честный т. Курицын встал и попросил слова.

– Вопросов у меня нет, – сказал он, – да и не нужны никакие вопросы! Зачем они? Разве мы не знаем товарища Чемоданова?

– Знаем!.. – загудело собрание. – Чего там!..

Парень свой!.. Хороший парень!..

Смелый, прямой, решительный т. Курицын обвел всех презрительным взглядом и отчеканил:

– Врете, товарищи!

Ошарашенное собрание замолкло. Товарищ Курицын повторил:

– Врете! Не знаю, что вас заставляет врать: трусость, мягкотелость или интеллигентская деликатность, но вы врете! Все вам отлично известно, что Чемоданов – никак не свой парень! Примазавшийся прохвост, – вот он кто, Чемоданов-то!..

Чемоданов вскочил и заморгал. Собрание зашумело. Но т. Курицын смело и уверенно продолжал:

– Чемоданов – подхалим и карьерист. Вы это знаете и в разговорах друг с другом всегда подтверждаете! Чемоданов – антисемит: разговаривая «по-душам», он признался в этом и мне, и Петрову, и Губошлепову, и многим другим! Чемоданов голосует вместе со всеми, но побеседуйте-ка с ним в частной обстановке: он не верит в успех реконструкции, он против вытеснения частника, он издевается над социалистическим соревнованием!.. Это и я от него слышал, и ты, Смирнов, и ты, Твердохлебов...

– И я слышал!.. И мне говорил!.. – раздались подтверждающие голоса.

– То-то же и есть, – насмешливо сказал тов. Курицын. – Теперь, небось, заговорили, а то – «свой парень, чего там»!.. Молчальники несчастные!.. Вот из-за такого молчаливчества и получается, что в советских ячейках процент вычищенных ниже, чем в производственных! Не заговори я, – вы бы тоже ни звука не издали, и Чемоданов, эта партвошь, эта беспринципная гнилушка, остался бы в рядах партии! Биография у него приличная, поступков за ним не числится, членские взносы платит, в уклонистах не состоит, партнагрузку выполняет, – чего еще надо?.. А по-настоящему-то, такого типа не только в рядах партии, – на службе держать нельзя! Ведь это шептун, подленький обыватель, классовый враг, притворившийся коммунистом!.. Да и притворяется-то только на ячейке, а в разговорах, в частной жизни его подлинное лицо выявляется на все сто процентов! И вы все знаете

это... И все-таки молчите, покрываете проходимца, потому что трусы вы, слизняки, мокрицы!..

– Правильно!.. – загудело собрание. Молодец Курицын! Крой и его, и нас!.. Подтверждаем, верно он говорит!..¹⁰

Так «чистили» Чемоданова, но... в воображении Курицына.

Неформальная сторона партийной чистки – это сфера *публичных доносов*: потребность в них заложена в саму процедуру чистки.

Ибо в ней не ждут формального выполнения требований партии.

Ждут – большего!

Неформальной оценки коммуниста партийным и беспартийным коллективом.

Эта этическая норма коллективизма манифестируется, но она еще не укрепилась, как того хотелось бы «Крокодилу» и партийным властям.

Так чистили Чемоданова... до чистки, в воображении т. Курицына. А на чистке, когда проверком спросил, нет ли заявлений на Чемоданова, т. Курицын выкрикнул с места:

– Да чего там, знаем его: хороший парень!

– Чего там, знаем! – загалдели другие. – У него все в порядке! О чем говорить!..

И предпроверкома, улыбаясь, сказал Чемоданову:

– Ну, что ж, товарищ... Значит, выдержали экзамен. Вы свободны, товарищ!¹¹

Чтобы были ясны мотивы «мыслепреступлений», которые необходимо учитывать при прохождении партийной чистки, в журнале «Крокодил» регулярно публиковался «альбом нечистых» – тех, кто формально не нарушает ни устав, ни дисциплину, – об этом и речи нет, – но кто допускает всякие сомнения в отношении самой очистительной процедуры.

Вот некоторые примеры из февральского (№ 8) номера:

---

¹⁰ Грамен. Все в порядке // Крокодил. 1929. № 40. С. 2.

¹¹ Там же.

Чистка государственного аппарата

Формально журнал «Крокодил» предупредил читателей о начале большой кампании по чистке государственного аппарата в майском (№ 18) номере. Однако редкие упоминания о проведении чистки аппарата были и раньше.

Например – апрельский номер:

Крокодил. 1929. № 13. С. 4

В майском (№ 18) номере, на первой странице журнала, было заявлено: «1 мая началась чистка госаппарата».

Крокодил. 1929. № 18. С. 1

Сама же хронология принятия и оформления ключевых решений по чистке была такой.

15 мая 1929 г. проект постановления о расширении прав РКИ был направлен в СНК СССР. 22 мая 1929 г. был составлен проект постановления ЦИК и СНК СССР «О чистке аппаратов государственных органов, кооперативных и общественных организаций». 28 мая 1929 г. состоялось объединенное заседание ЦИК и СТО, на котором обсуждался вопрос о чистке госаппарата. Задумана была общесоюзная кампания на период 1929–1932 гг. Директивы партии о проведении чистки регулярно обсуждались на заседаниях Оргбюро ЦК ВКП(б). 17 июня 1929 г. принят был проект директивы «О партруководстве чисткой соваппарата» [Киселева 2014, с. 76].

12 сентября 1929 г. утверждено совместное постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) «О ходе проверки и чистки соваппарата». В ноябре 1929 г. была принята директива ЦК ВКП(б) «О подготовке выдвижения новых кадров в связи с чисткой госаппарата».

В последующих номерах журнала можно увидеть, что обе чистки *то сливаются*, то *отделяются* друг от друга. Последуем за этой логикой отождествления и различения, чтобы понять, в каких случаях можно не думать о различиях этих кампаний, а в каких – нельзя не думать о различиях.

В некоторых случаях журнал «Крокодил» прямо указывал, что публикуемый материал имеет отношение к обоим чисткам. Так, например, в майском (№ 19) номере был опубликован очерк «беспартийного» Савелия Октябрева «Литургия оглашенных»,

в котором обе чистки сравнивались с ситуацией в православной литургии, когда дьякон возглашает: «Оглашenniи, изыдите! Елицы оглашenniи, изыдите, елицы оглашenniи!..». Если в церкви «оглашenniи» – это те, кто лишь собирается принять святое крещение, и потому не допускаются до священнодействия литургии, то в эпоху чисток никто не хотел покидать службу и партию, или, как было написано в очерке – «не хочется исходить», а хочется остаться «в рядах партии и в составе совпарбата».

Савелий Октябрьев задавал вопрос: «...как достигнуть “оглашenniи” означенной цели?»

И отвечал:

...установить советскую предпочтительную «литургию оглашenniи», примерный чин коей представляется мне в нижеследующем виде:

1. Оглашenniи, т. е. ожидающие вычистки и исхода, собираются вкуче и зачитывают постановления о чистке. После сего кто-либо из служащих небольшого ранга воспекает тонким тенором краткую «молитву Молчалина»:

– В мои лета не должно сметь

Свое суждение име-е-ть!..

В ответ на что клир трижды возглашает:

– Умеренность и аккуратность, умеренность и аккуратность!..

2. Засим кто-либо из более солидных и ответственных внушительным баритоном читает «евангелие от Репетилова»:

«В Камчатку сослан был, вернулся алеутом, и крепко на руку нечи-и-ист!.. Да, умный человек не может быть не плу-у-утом!.. Когда же о честности высокой говорит, каким-то демоном внушаем, – глаза в крови, лицо горит, сам плачет, а мы все рыдаем!»...

Клир воспекает:

– «Украшают тебя добродетели,

До которых другим далеко-о-о!»...

3. И, наконец, некто из наиболее сановитых произносит ответственным басом «молитву городничего» из «Ревизора»:

– Господи боже ты мой! Как же бы сделать так, чтобы начальство видело мое рвение и было довольно!..

Сия молитва, наиболее значимая и доходчивая, повторяется хором, после чего оглашenniи расходятся к исполнению очередных дел и применяют в оном на практике все указания, извлеченные из молитвословий.

Вышеприведенный чин советской «литургии оглашenniи» я предлагаю, конечно, принять лишь за основу. Поправки и дополнения, соответствующие местным обстоятельствам, разумеется, допустимы

и даже желательны. Лыщу себя мыслью, что в основе проект мой не встретит возражений, будет осуществлен и принесет неоспоримую пользу. В последнем я бы даже не сомневался, если бы не смущало меня то обстоятельство, что всякая «литургия оглашенных», как бы ни была она покаянна и молитвенна, все же должна заканчиваться неминуемым возгласом:

– Оглашенные, изыдите, елицы оглашении, изыдите!..¹²

У изгоняемых из партии и госслужбы – одна судьба: нет смысла проводить различие.

Одинаково осуждается и молчание людей на чистке – не важно какой.

Вот как изображена ситуация на чистке, без уточнения, какая она – на следующей карикатуре:

Крокодил. 1929. № 22. С. 2

В чистке госслужащих главный вопрос проверки – это социальное происхождение. Именно здесь разворачивалась новая гражданская война, которую начал Сталин поворотом от нэпа к «усилению» классовой борьбы в период «реконструкции». Нэп держался на специалистах, инженерах, которые получили образование, специальность еще до революции. Большая их часть была непролетарского происхождения. Как следует из работ, посвященных специально чистке госаппарата, никаких критериев *по различению тех, кого собирались чистить* – не было вообще [Киселева 2014, с. 74]. Ясно формулировалась только мысль, что многие люди пролетарского происхождения, прошедшие Гражданскую войну,

¹² Октябрьев С. Литургия оглашенных // Крокодил. 1929. № 19. С. 2.

не могут устроиться на биржах труда – и такая чистка могла бы дать им возможность получить работу. В наркоматах к подобной постановке вопроса со стороны руководителей чистки (Я. Петерса и др.) относились с большой тревогой и нежеланием менять людей по критерию социального происхождения, ведь специалистов и так не хватало.

Эта кампания, после нескольких лет затишья и умиротворения, вновь породила в массовом сознании образ «классового врага». Безработица была высокой, и многие люди видели в этой борьбе личную пользу для себя. Писали об этом простодушно, неуклюже, искренно:

Дать возможность работать всем, кто действительно завоевал себе право в самоуправлении и стоял на защите Октября и, благодаря протекционизма, остался без куска хлеба за бортом¹³.

О замене «вредителей» на классово чистых людей, хотя и не профессионалов, писали как о благе для партии и страны:

...лучше взять на работу в свой аппарат малограмотных рабочих, бедняков и батраков, нежели держать около себя грамотных, но бюрократов и чиновников¹⁴.

Переход от сложной экономики нэпа к примитивной экономике военно-коммунистического типа – о чем с беспокойством говорил Н.И. Бухарин на пленумах ЦК ВКП(б) – требовал примитивных исполнителей, тех, кто готов был выполнить любой приказ без рассуждений¹⁵.

Всего было три категории вычищаемых.

Первая категория предполагала лишение всех прав на пособие, работу; людей, причисленных к этой категории, выселяли из квартир. Фактически их делали «врагами» советской власти – превращали в «бывших людей».

Вторая категория вычищаемых позволяла трудоустройство в другом месте, в другом учреждении, но изменить меру пресечения уже нельзя – это клеймо; третья категория вычищаемых означала чаще всего снижение в должности.

---

¹³ *Октябрев С.* Литургия оглашенных. С. 84.

¹⁴ Там же. С. 88.

¹⁵ Там же. С. 106.

Крокодил. 1929. № 34. С. 10

Персональной чистке предшествовала деятельность «рабочих следователей» по сбору компромата на тех, кто вызывал подозрение¹⁶. Подозревали прежде всего тех, кто был выходцем из привилегированных слоев общества, кто был когда-то враждебен по отношению к Советской власти, кого подозревали во «вредительстве» и т. д. «Следователи» давали краткую характеристику работнику и рекомендацию — по какой категории «чистить». Большая часть этих характеристик — общие обвинения к классовой чуждости, не подкрепленные никакими доказательствами.

Крокодил. 1929. № 25. С. 10

¹⁶ Там же. С. 106.

Проблема социального происхождения особо волновала журнал «Крокодил». Был даже составлен обобщенный «портрет» того, кого вычищают.

Фельетон Л. Митницкого, опубликованный в сентябрьском (№ 35) номере, так и назывался: «Тот, кого вычищают». Была дана обобщающая характеристика.

Совбрюзга – это советская личность, которая до революции почетительно именовалась господином, высокородием, сиятельством, превосходительством¹⁷.

Никак не удастся установить его прошлое! Но оно всплывает и без анкеты, «на глаз». По смыслу очерка видно, как было важно журналу снова разжечь костер классовой ненависти.

Если вы услышите такие выражения:

– О времена, о нравы!

– Человек человеку – волк, а говорят, что люди – братья.

– Человек создан по образу и подобию божьему, а не наоборот.

– Культура есть достояние интеллигенции.

Если вы подобное этому услышите – знайте, перед вами совбрюзга...¹⁸.

Доволен «совбрюзга» только тогда, когда слышит прежние слова об уважении личного статуса – дореволюционного:

Это когда кооперативный приказчик, по старой памяти, склоняется перед совбрюзгой и зашелестит вкрадчиво:

– Не угодно ли, господин ваша милость, ассортиментик? Для настоящего покупателя держим!

Также, когда лихой возница с козел крикнет совбрюзге:

– Пожа... пожа... ваша сиясь!..

Совбрюзга удовлетворен. Потирает руки, басит:

– То-то, дьяволы... Другое дело. Давно бы так...¹⁹

---

¹⁷ Митницкий Л. Тот, кого вычищают // Крокодил. 1929. № 35. С. 7.

¹⁸ Там же. С. 7.

¹⁹ Там же.

Крокодил. 1929. № 40. С. 6

Помимо «чистоты» социальной обсуждалась и чистота физическая как условие существования в материальном мире. Иногда эта тема получала неожиданное развитие. Например, «чистку» сравнили однажды с просьбой сделать гражданке аборт, о котором было сказано с некоторым смущением... – это то, что «наоборот»...

Крокодил. 1929. № 26. С. 4

В следующей карикатуре нет никакого уточнения, какая это чистка, но очевидно, что это не чистка партии. Нельзя изображать – пусть даже плохих коммунистов, которым грозит быть очищенными из рядов ВКП(б) – в таком (откровенно вражеском) виде, как это показано в чистке под названием «Тайная вечеря». Персонаж по имени «зав», пародируя Христа в Евангелии, говорит: «Истинно

говорю вам – единый от вас предаст меня». Здесь важно было журналу показать *социально обобщенное лицо* тех, кто чужд не партии, а самой советской власти. Изображены лица явно иудейские, чтобы усилить впечатление от лицемерия тех, кто предан «своей» религии, и судя по изображенному столу с яствами – это сторонники рыночных отношений, экономики капитализма.

Конкурсный рисунок Н. Милославского (Николай)

ТАЙНАЯ ВЕЩЕРЬ (перевод автора)
ЗАВТРА – Истинно говорю вам – какавый от вас предаст меня.

Крокодил. 1929. № 29. С. 6

Крокодил. 1929. № 29. С. 7

Естественно, что не только социальное происхождение имело значение в чистке госслужащих. Поскольку никаких критериев выработано не было, обращались к традиционным грехам представителей русской государственной власти – и здесь чистильщикам помогал опыт распознавания бюрократов и чинуш, осмысленный прежде всего русскими сатириками XIX в. В июльском (№ 26) номере журнала был опубликован стихотворный фельетон под названием «Сон Савелия Октябрева».

В наркомате нынче я не буду:

Я разбит и нервно потрясен...
Не к добру, а, вероятно, к худу
Мне вчера приснился жуткий сон.
Снилось мне не дело о растрате, –
Нам сейчас совсем не до растрат:
Снилось мне, что в нашем наркомате
Начинают чистить аппарат!
Завы, помы, секи, машинистки –
Все пришли. Явился и Рабкрин.
И СИДЯТ В КОМИССИИ ПО ЧИСТКЕ
ГРИБОЕДОВ, ГОГОЛЬ И ЩЕДРИН.

Я вздохнул, составом опечален,
Предвкушая горе от ума,
И гляжу, – вон чистится Молчалин,
Вон, за ним, и Хрюмина сама...
Что за чушь! Давно усопший люд-то!..
Там, гляжу, – Иуда Головлев,
Тут, поближе – Фамусов как-будто...
Хлестаков... Башмачкин... Ковалев...
Крикнул я: «Позвольте! Здесь ошибка!..
Оживить не может старина!..
Но мелькнула едкая улыбка
На суровом лике Щедрина.
Он ответил: «Что ж, согласен с этим...
ОЖИВИТЬ немисливо чинуш!»
И, смеясь, добавил Гоголь: «Встретим
Здесь зато немало мертвых душ!..²⁰

Страх, порожденный чисткой «на глаз», не мог не породить волну переживаний, которую высмеивал «Крокодил».

В августовском (№ 30) номере был опубликован очерк Л. Митницкого «Тяжелый отдых». На морском берегу отдыхал обычный человек, совслужащий «двенадцатого разряда» по фамилии Нечкин.

Море журчало, и звук прибоя напоминал Нечкину нечто связанное с его службой.

То оно журчало у пляжа гравием, как счетовод Самовязов костяшками счетов. То оно подхалимски лизало ответственно-мшистые скалы. То оно штормовало, как заведующий отделом – Козицкий. То дремало, как общее собрание...

И все это относилось мысли Нечкина к месту его службы.

– Что там сейчас? Гонятся за количеством, а перелома в руководстве, как говорится, нет как нет? – думал Нечкин по-стенгазетному. И, небось, охрана труда и производственное совещание – ау? Спать непробудно! Что уж говорить – казенное благополучие немисливо без плана и без смет. Кстати, товарищ зав, командировка – не отпуск, верните суточные денежки. Ау, ячейка Осоавиахима, проснись, ау! То же и Автодор и «Друг детей» – ау! Ау!!..²¹

---

²⁰ Савелий Октябрев. Сон Савелия Октябрева // Крокодил. 1929. № 26. С. 2.

²¹ Митницкий Л. Тяжелый отдых // Крокодил. 1929. № 30. С. 5.

Звук превращался для него в предупреждение об опасности. Смешно? Возможно. Но открывается механизм подсознательного воздействия «чистки» на психику человека, который не может для себя решить, чего ему бояться – и поэтому боится всего.

Кто-нибудь, например, упиваясь пейзажами юга, скажет восторженно розовой спутнице:

– Красота. Неописуемая красота!

И уж в отпускном Нечкине готов отклик:

– Неописуемая? Гм... Кстати, кому я оставил опись истекших дел?²²

Или – слышит он, как зазывает его духанщик кахетинским питьем. Но слышится то, что его беспокоит больше всего, а успокоить себя он не может, ибо нет никаких рациональных мотивов успокоения:

– А нет ли у тебя, духанщик, очищенной?

– Очищенной? – тут же вонзается в Нечкине, и готово – рождены уж траурные мысли о чистке. Как она там в учреждении? Когда?!

Даже хорошее настроение на отдыхе вдруг становится грозным психическим предупреждением:

...Нечкин произнес, простирая руки в безбрежную жаль:

– Белеет парус одинокий в тумане моря голубом!

Произнес и тревожно задумался:

– Вот именно, что в тумане. Вот я здесь любуюсь, а меня в этот текучий момент, может быть, беспрекословно сокращают. Может быть, стол мой уже заняли? Может быть...²³

Нечкин не выдержал – отправился к месту его главного беспокойства, и пока ехал в поезде, слышал:

Стучали под вагоном бесстрастные колеса, и в такт им колотилось сердце отпускного Нечкина:

– Туда, назад! На место службы. Там, на месте все выясню. И ну его к лешему с морем. Ничего в волнах не видно. То ли под рационализацию подвели, то ли сократили, а выходного не выписали? Нет, туда, назад. На место службы. А понадобится, можно и в городской речке по

---

²² Митницкий Л. Тяжелый отдых. С. 5.

²³ Там же.

месту службы искупаться. В крайнем случае и в баню сходить можно. В чем дело? Все можно. Только бы по месту службы, только бы не на расстоянии!²⁴

Герой фельетона заявлен как персонаж сатирический, но при этом он обычный человек, ему просто страшно!..

Кампания «чистки» в 1930 году

В декабрьских номерах журнала «Крокодил» за 1929 год ничего не было сказано о чистке в партии и госаппарате, – общая кампания явно отступала на второй план перед новыми идеологическими волнами. Партийную чистку считали завершенной в 1929 г. и потому в последующие годы ее специально не упоминали, а вот чистку госслужащих не забывали, но по всему видно, что эта кампания не вызывала уже прилива эмоций. Скорее, это было напоминание о процессе, который идет к своему завершению.

Лишь в мартовском (№ 10) номере за 1930 год читателю напомнили о «разоблачениях» в этом процессе.

Крокодил. 1930. № 10. С. 6.

О том, что к процессу «чистки» уже успели приспособиться, свидетельствует фельетон под названием «Изобретатель» в мартовском (№ 12) номере журнала за 1930 г.

Степан Степанович выдержал не одну, а много чисток и наездов «легкой кавалерии» в виде всяких ревизионных комиссий и, к удивлению всех сотрудников, продолжал оставаться на своем месте. Никто не мог объяснить эту загадку. Но однажды, когда у него было хорошее настроение, ему был задан вопрос:

²⁴ Там же.

Как это вы изволите все пребывать на своем месте заведующего-с... в то время, как некоторые, извиняюсь, ваши дела... виноват-с...

Степан Степанович открыл тайну:

...как только начинается неприятность, то есть чистка, налет или ревизия, так я сейчас же начинаю признавать свои ошибки... Не успевают они слово по поводу сказать, а я уже ошибку свою признал!.. Они в мое дело взглянуться не успели, а я уж и тут свою ошибку признал!.. Они спросить не успеют, а я признал ошибку!.. Ну, все видят и слышат, что я ошибки сам признаю, значит, и оставляют на своем месте, чтобы исправил их и работал дальше...

– Ну, и вы, конечно, исправляете свои ошибки, Степан Степанович? – спросил я.

Степан Степанович снова рассмеялся:

– Ну, что вы, чудаки! Ведь ежели я начну свои ошибки исправлять, когда я работать буду?

– Ну, а если снова ревизия, чистка или налет?

– А я опять признаю свои ошибки... Признаю, признаю и признаю... Поняли? Так вот, молодой человек, учитесь!

– Я, конечно, стал учиться... И недавно с успехом признавал свои ошибки²⁵.

О том, что чистка аппарата по-прежнему идет полным ходом, напомнила карикатура в мартовском (№ 12) номере:

Крокодил. 1930. № 12. С. 12

²⁵ Чикарьков. Изобретатель // Крокодил. 1930. № 12. С. 8.

О характере прохождения чистки в 1930 г. свидетельствовали рисунки, изображающие «чуждых» советской власти людей – либо «бывших» господ, либо укоренившихся нэпманов.

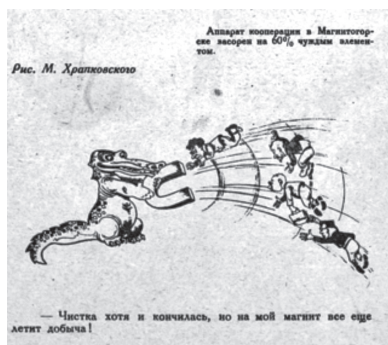
Крокодил. 1930. № 18. С. 5

Крокодил. 1930. № 19. С. 12

Чистку вспоминали все реже и реже, и в 1931 г. ее уже воспринимали в контексте других событий, связанных с активным разоблачением «оппортунизма».

Одна из последних карикатур в 1930 г. сообщала, что процесс чистки госаппарата завершается, но внимание «Крокодила» по-прежнему будет приковано к социально «чуждым элементам».

Крокодил. 1930. № 25. С. 2

Литература

Киселева 2014 – *Киселева Е.Л.* Чистка государственного аппарата 1929–1932 гг.: Основные комплексы источников, их анализ и значение: Дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т Рос. истории РАН, 2014.

References

Kiseleva, E.L. (2014), *Chistka gosudarstvennogo aparata 1929–1932 gg.: Osnovnye komplekсы istochnikov, ikh analiz i znachenie* [The Purge of the State Apparatus 1929–1932: Main Sources Complexes, Their Analysis and Significance], Ph.D. Thesis, Institut Ros. Istorii RAN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrei L. Yurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; Iurganov@yandex.ru